

ПРЕДИСЛОВИЕ

Про Апресяна

Признаюсь, я не ожидал, что мне будет ТАК трудно написать несколько слов о Ю. Д. Апресяне, знаменитом лингвисте, докторе, профессоре, академике и прочая, и прочая. Дело в том, что уже полвека он для меня — просто Юра, самый близкий друг и коллега; наши жизни и мысли перемешаны таким образом, что различить их мне представляется практически невозможным. И как же писать о том, что настолько близко? Большие объекты с близкого расстояния целиком не охватишь взглядом. И что именно следует говорить об Апресяне? Об Апресяне-ученом или об Апресяне-человеке?

В действительности, как только я задал себе этот последний вопрос, я тотчас понял, что Апресян-ученый и Апресян-человек неразделимы. Удивительная **цельность** личности Юрия Апресяна составляет, пожалуй, его главную особенность и главное достоинство.

Я полагаю, что, в частности, именно благодаря этому свойству, Апресян сумел создать и развить целую отрасль лингвистики — лексическую семантику. Его книга «Лексическая семантика: Синонимические средства языка» (1974) не только определила на много лет вперед развитие этой области, но и сегодня, 36 лет спустя, все еще является источником ценных мыслей и сокровищницей интересных фактов. Именно в ней Апресян провозгласил синонимию — т. е. перифразирование — главным феноменом в языковой семантике, фундаментом всех теорий и практических описаний. Ориентированность на синонимию была характерна для лингвистических интересов Апресяна с самого начала его научной карьеры; он остался верен синонимии и сегодня.

Научное творчество Апресяна достаточно разнообразно, и его не удастся свести к нескольким простым результатам или принципам. Тем не менее, огрубляя настоящую картину, можно указать исходный постулат и два взаимосвязанных положения, которые достаточно хорошо определяют Апресяновский подход к лингвистике.

Постулат: в центр лингвистического описания ставится словарь. Такая лексикографическая ориентация лингвистики в 60-е — 70-е годы прошлого века решительно шла вразрез с господствующими взглядами и модами. Тем не менее, вопреки идейным и практическим трудностям, Апресян сумел развернуть российскую лингвистику лицом к словарю. Серьезное и разностороннее изучение лексики стало характерным занятием российских лингвистов. Эта деятельность — в рамках типично Апресяновского подхода — может быть охарактеризована следующим образом.

Положение 1: Язык должен описываться как одно целое; сосюровское «La langue est un système où tout se tient» следует понимать абсолютно буквально. Отсюда — провозглашенный Апресяном лозунг интегрального описания языка, в котором словарь настроен на грамматику, а правила грамматики (\approx синтаксиса и морфологии) строятся с существенным учетом организации словаря. Такая установка породила, в свою очередь, идею системной лексикографии — описание лексики как системы.

Положение 2: При этом каждая лексема представляет собой целый сложный мир: для нее требуется «лексикографический портрет» — детальное формальное описание, ухватывающее все особенности ее употребления, т. е. являющееся своеобразной моделью лексемы. Такой подход требует, в первую очередь, детальнейшей обработки огромного языкового материала — не компьютерно-статистической, а подлинно лингвистической, когда интуиция, знания и логика исследователя (в отличие от нажимания клавиш) играют центральную роль.

Кажется, по объему охваченных данных Апресян превосходит всех известных мне лингвистов — кроме, может быть, Анны Вежбицкой, которая, как и Апресян, нацелена на описание и анализ языков, а не на заумное пиар-ориентированное теоретизирование, столь распространенное в наши дни. В частности, Апресян — первоклассный профессиональный лексикограф; изданный под его редакцией «Большой англо-русский словарь» (расширенное и исправленное переиздание 2002 г.) является, без всякого сомнения, лучшим словарем такого типа в России. В этом смысле Апресян уникален: мне неизвестен другой лингвист его масштаба, который имел бы сравнимый опыт лексикографической работы. Именно эта лексикографическая база позволила ему предпринять колоссальное — и по объему, и по значимости — исследование русской лексики.

Теперь я хотел бы упомянуть семь из конкретных результатов Апресяна, которые особенно ценны для меня и сыграли важную роль в моем собственном лингвистическом творчестве.

1. Понятие **регулярной многозначности** и выделение практически всех типов такой многозначности в русском языке в начале 70-х годов легло в основу разработки понятия вокабулы.

2. Почему выглядит странно фраза **Прохожий упрекнул Ивана в том, что он не убрал ящик с тротуара?* Жена, дети и друзья могут упрекать Ивана, а прохожие не могут? Ответ дает предложенный Апресяном семантический компонент ‘**личная сфера**’: Y, которого X упрекает, должен принадлежать к личной сфере X-а. Понятие личной сферы работает во многих случаях; в частности, оно необходимо для описания смысла местоимений ТЫ vs. вежливое ВЫ. Здесь же можно упомянуть и другой семантический компонент «от Апресяна» — ‘**наблюдатель**’; это фиктивное лицо, постулируемое автором повествования, играющее роль начала координат (*Дорога резко повернула направо*: направо по отношению к направлению взгляда Наблюдателя).

Научный стиль Апресяна отличается одним сравнительно редким качеством: его изложение всегда предельно ясно, кристально чисто (ничего лишнего!) и артистично. Читать Апресяновские тексты легко и приятно, несмотря на насыщенность материалом и подчас совсем непростую логику. Неслучайно, что одно из любимых словечек Апресяна — непринужденность: он пишет именно в высшей степени непринужденно и этим окончательно покоряет читателя.

В «годы брежневского застоя» Апресян потерял работу в Институте Русского языка — из-за своей бескомпромиссной позиции по поводу подписанного им письма в защиту осужденных писателей Синявского и Даниэля. Отказавшись играть в коммунистические игры, Апресян пошел работать в «Информэлектро»: ведомственный институт по обработке информации в области электропромышленности. При поддержке замечательного человека, директора «Информэлектро» С. Г. Малинина, он создал там своеобразное «укривище» — не для себя, а для группы первоклассных российских лингвистов, также изгнанных из академических институтов или подвергшихся другим репрессиям. Там, а затем в Институте проблем передачи информации, куда группе удалось перейти с наступлением лучших времен, Апресяновцам пришлось заняться новой для себя областью компьютерной лингвистики и машинного перевода. В результате группой была создана «образцово-показательная» система машинного перевода ЭТАП, а главное, было обнаружено и описано огромное количество новых фактов, касающихся русского синтаксиса. И при этом Апресян не снизил планку своего гражданского и человеческого мужества. «В условиях острого эксперимента» (Апресян; не помню, где и когда) он сумел продемонстрировать свою единую и неделимую личность.

Наконец, пришли перестройка и гласность, Институт Русского языка и Российская Академия наук. И Апресян — все тот же. На академическом фронте он ведет решительную борьбу с пережитками совковой действительности. А на лингвистическом направлении запущен в производство НОССРЯ — «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», синонимический словарь, подобного которому до сих пор нет ни для одного языка. Семантический анализ эквивалентных и квазиэквивалентных русских лексем осуществлен с такой точностью и полнотой, что создается впечатление абсолютной невозможности сделать лучше или детальнее. И во всем видна проникновенная любовь к языку — непрменный признак настоящей лингвистики.

80 лет — это очень много: более полувека научной и гражданской активности. Но, с другой стороны, это еще не так много: по доброй еврейской традиции, надо жить до 120 лет. И это — по крайней мере; ибо — зачем ограничивать?

И. А. Мельчук